

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

А. В. ГУДКОВА

НЕКРОПОЛЬ ГОРОДИЩА ТОК-КАЛА

С 1959 г. Институт истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР вел стационарные раскопки на городище Ток-кала¹, расположенном в дельте Аму-Дарьи на холме Ток-тау, в 14 км к северо-северо-западу от г. Нукуса. Холм обрывается северо-западным склоном в большое сухое русло — один из древних протоков Аму-Дарьи. Высота холма над дном русла около 16 м. Общая площадь памятника, занимающего весь холм, свыше восьми с небольшим гектаров (рис. 1). Он состоит из нескольких разновременных частей. Наиболее древней является укрепление в самой высокой части холма над обрывом, построенное на рубеже IV—III или в начале III в. до н. э. и просуществовавшее сравнительно недолго. Оно погибло в результате военной катастрофы, о чем говорит сплошной слой пожара со множеством прачных ядер. Зброшенное укрепление было вновь обжито в кушанское время. На нем возникло небольшое селение, жизнь в котором замерла в III в. н. э.

В VII в. в восточной части холма возникло новое поселение, частично обнесенное толстыми стенами и принадлежащее носителям культуры, синхронной афригидской, но не тождественной ей и распространенной в правобережье дельты Аму-Дарьи². Поселение, кроме керамического материала, датируется хорезмийскими и согдийскими монетами³. Жизнь на этом поселении прекращается внезапно не позднее середины VIII в. Но уже в IX в. на холме вновь возникает неукрепленное поселение, просуществовавшее до конца XI или начала XII в.

Кроме городищ и поселений, на холме Ток-тау имеется большой могильник, площадью около 4 га. На нем был заложен раскоп IV, площадью более 50 м² (рис. 2), давший основные сведения о могильнике, и небольшой контрольный раскоп V на противоположном крае могильника.

Были установлены два периода существования могильника. К первому, зороастрийскому, относятся захоронения в оссуариях, поставлен-

¹ Частичные публикации материалов этих раскопок см. в статьях: А. В. Гудкова, В. Н. Ягодина, Раскопки городища Ток-кала в 1959 г., «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 5; А. В. Гудкова, Раскопки городища Ток-кала в 1960—1961 гг., «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1962, № 3 и № 4; Ю. П. Манылов, Железные орудия труда VII — начала VIII вв. с городища Ток-кала, «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1962, № 3.

² Эта культура, судя прежде всего по керамике, имеет непосредственную генетическую связь с районом низовий Сыр-Дарьи («болотные городища» и Джеты-Асары).

³ Обработана пока только часть найденных монет, среди них хорезмийский чекан Хангири и согдийские — ихшида Тархуна (700—710 гг.) и ихшида Укара (первая четверть VII в.). См. О. И. Смирнова, Монеты древнего Пенджикента, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), 66, 1958, стр. 220—221.

вых горшка с детскими захоронениями. Наус перекрыт захоронениями верхнего горизонта.

Наус № 1, построенный из сырцового кирпича размером $30 \times 30 \times 8(7)$ см, сохранился на максимальную высоту в 1 м⁵. Его размеры 4×4 м, внутри находится небольшая камера, кирпичный пол которой составляет единое целое со всей постройкой. Вдоль трех стен камеры находится суфа высотой в 20 см. На ней в специальных ячейках стояли три алебастровых оссуария и был врублен афригидский хум бытового типа, в котором находились череп и несколько длинных костей. Обломки более чем десяти алебастровых оссуариев были разбросаны по всей камере. Оссуарии имеют вид прямоугольного ящичка на ножках с четырехскатной уплощенной сверху крышкой.

Наус № 2 сохранился значительно лучше. Он представляет собой полуподземное двухкамерное сооружение размером 11×6 м. Для его строительства в грунте холма был выкопан котлован глубиной около двух метров, вплотную к обрезах которого были выложены стены науса из сырца размером $40 \times 40 \times 10$ см. Никаких следов прохода в стенах нет, вероятно, он был сделан в верхней части науса, конструкция которой неизвестна. Можно только констатировать, что завалов свода не обнаружено. Наус состоит из двух смежных камер, большой (3×6 м) и малой ($2,7 \times 4,8$ м), соединенных проходом. В стенах малой камеры для оссуариев были специально сделаны десять ниш (рис. 3). Были ли ниши в большой камере, сказать нельзя, так как ее стены сохранились на слишком малую высоту. Полom служил слой песка, насыпанный на материке. Стены до его уровня были покрыты саманной обмазкой.

Вызывает интерес полуподземная конструкция наусов, связанная, возможно, с какими-то местными специфическими чертами зороастрийских представлений. Не исключено, что поздним отголоском этой местной традиции является уникальная по своей конструкции полуподземная усыпальница Мазлумхан-сулу⁶.

Ниже наусов № 1 и № 2, на крутом склоне при благоприятном освещении прослеживаются контуры еще четырех небольших наусов, смытых почти полностью.

В большой камере на полу был найден разбитый алебастровый оссуарий и выброшенные из него кости. Возле юго-восточной стены имелось сильно прокаленное пятно — след длительного горения огня. В малой камере было найдено более полусотни таких же оссуариев и, кроме того, два керамических и один каменный и детское захоронение в горшке. Керамические оссуарии имеют прямоугольную форму, один — с четырьмя ножками, другой — без ножек. Крышки у них в форме конуса с грибовидной или шаровидной ручкой. Каменный оссуарий и его крышка высечены из целых глыб песчаника и по форме близки к алебастровым. На крышке в центре вырезана розетка, а на скатах — пальметки из округлых листьев, очень сходные с такими же изображениями на лепном фризе в замке Тешик-кала⁷.

⁵ Сильное разрушение цистами и смывом не позволило сразу дать точную реконструкцию этого науса (см. А. В. Гудкова, Указ. раб.). Окончательно устройство этого науса как полуподземного сооружения было выяснено только после полного вскрытия науса № 2 в 1962 г.

⁶ Подземная погребальная камера IV—V вв. н. э., связанная, в частности, с оссуариями захоронениями, известна в Ташкентской области. См. Т. Агзамходжаев, Погребения IV—V вв. н. э. в Катартале, «Научные работы и сообщения АН УзССР, отделение общественных наук», кн. 3, Ташкент, 1961.

⁷ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, табл. 41.

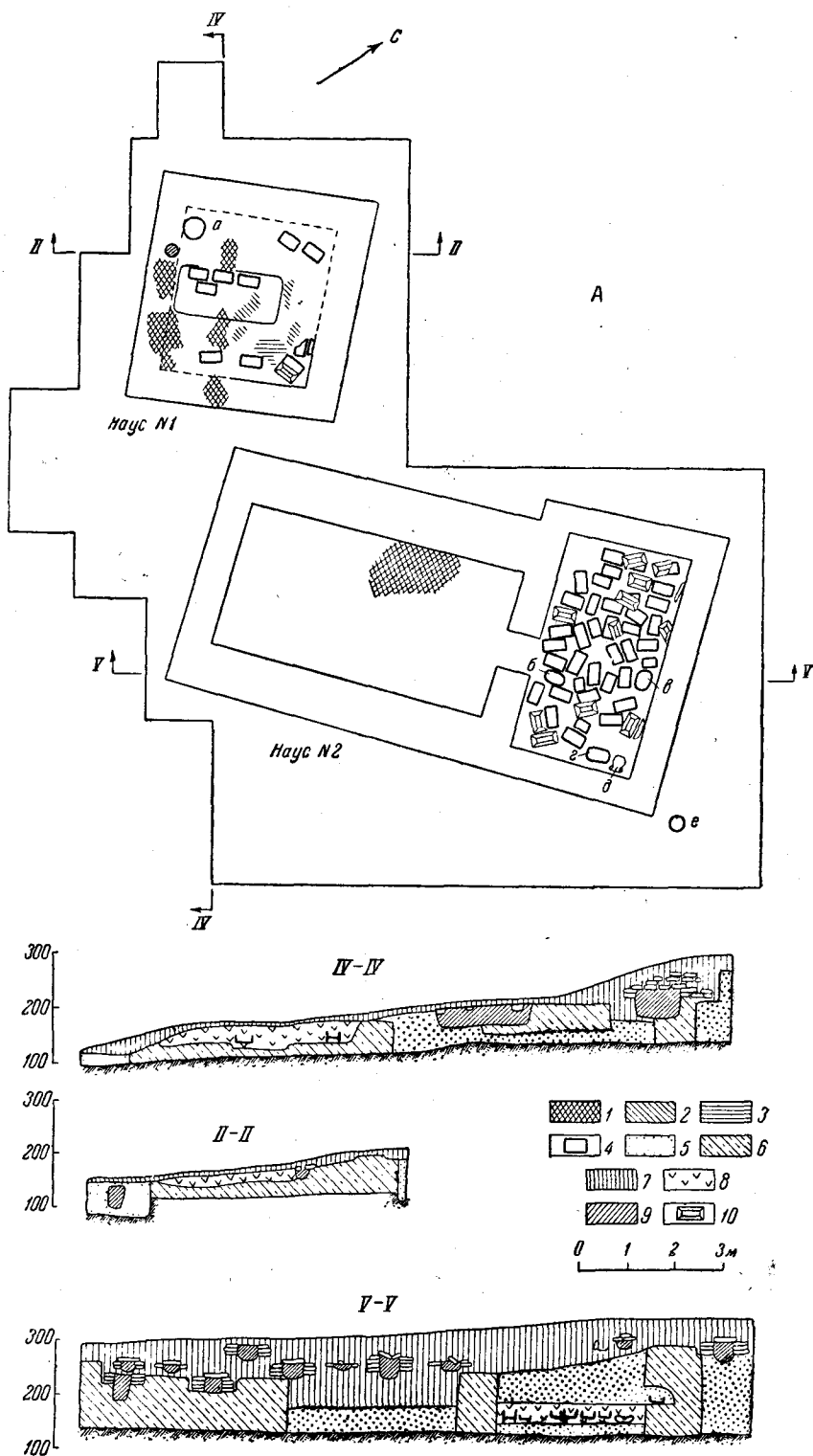

Рис. 2. План и разрезы раскопа IV: А — план нижнего горизонта

а — хум с костями; б, в — керамические оссуарии; г — каменный оссуарий; д, е — горшки с костями; 1 — обломки оссуариев; 2 — обломки черепов; 3 — фрагменты керамики; 4 — целые оссуарии; 5 — песок; 6 — кирпичная кладка наусов; 7 — глинистый слой; 8 — песчано-глинистый слой с большим содержанием обломков оссуариев; 9 — натечное заполнение цист; 10 — целые крышки оссуариев

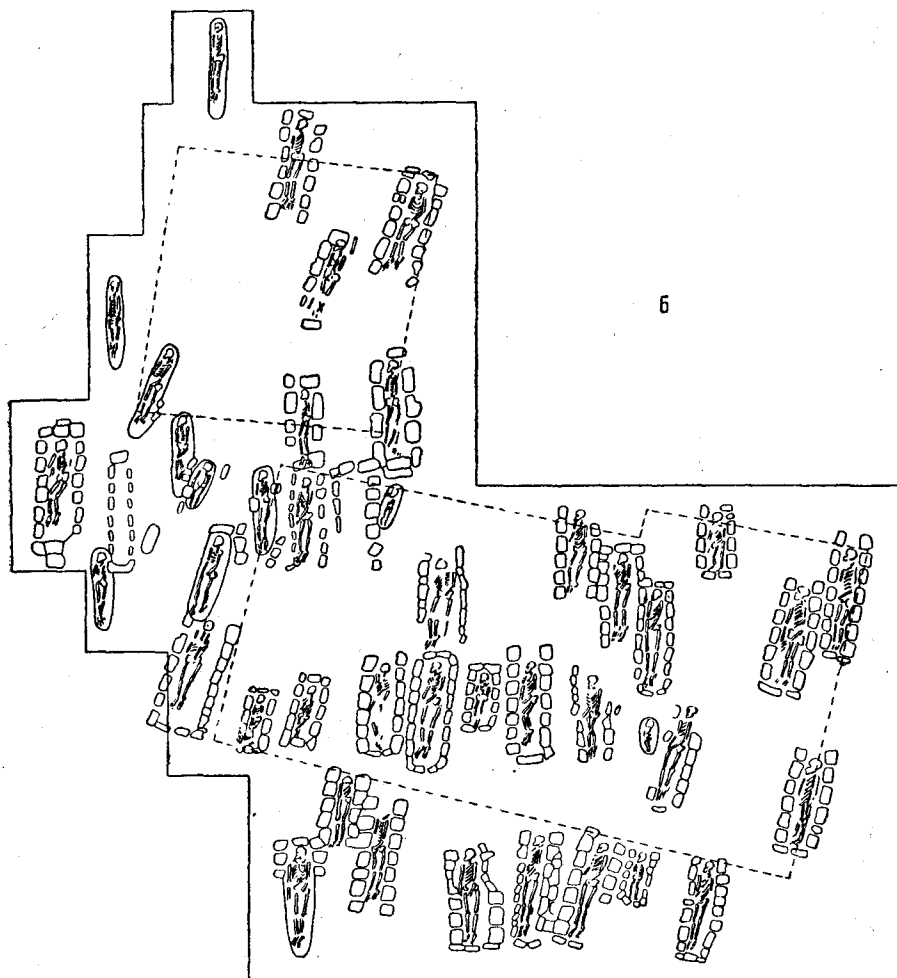

Рис. 2. План и разрезы раскопа IV: Б — план верхнего горизонта

Малая камера была сплошь завалена битыми оссуариями, их крышками, черепами, отдельными человеческими костями. После того как верхний слой обломков был снят, стало видно, что весь пол камеры тоже заставлен целыми оссуариями. Часть крышек на них была разбита и сдвинута, но некоторые лежали на своих местах. Многие были перевернуты и в них находились черепа и кости в том положении, в котором они обычно лежат в оссуариях. Крышка с костями и черепом заменяла в одной из ниш оссуарий. Верхние части некоторых оссуариев и крышки были разбиты большими вдавившимися в них камнями. Расположение оссуариев в камере имеет весьма хаотичный вид. От некоторых оссуариев найдены только небольшие обломки, а остальные их части отсутствуют. Крышки керамических оссуариев находились не на своих местах и одна была разбита, а крышка каменной, весящая не менее 15 кг, была брошена на оссуарии в середине камеры. Создается впечатление, что первоначально в северной части камеры оссуарии ставили более или менее по порядку, а потом уже наспех, как попало.

Вся эта картина наводит на мысль о том, что оссуарии здесь прятали, о внезапном прекращении использования науса и его последующем осквернении. Слой чистого насыпного песка поверх оссуариев в

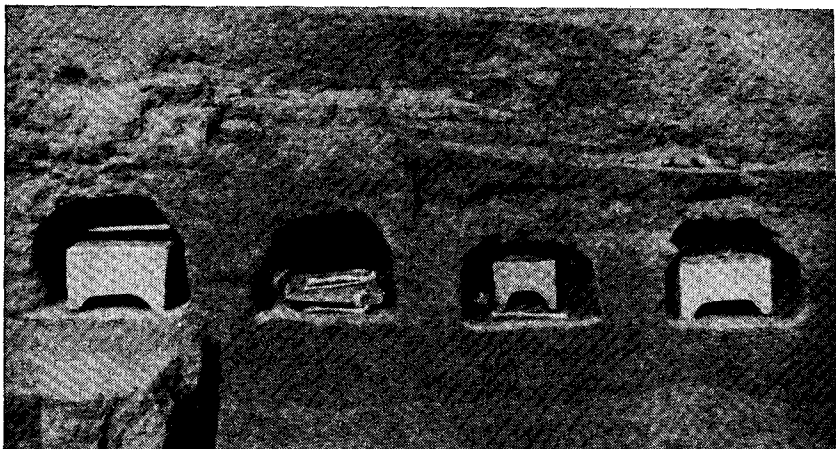

Рис. 3. Северо-восточная стена в малой камере науса № 2 с нишами и оссуариями в ней

малой камере и на полу — в большой говорит о том, что следы учиненного разгрома были позднее специально ликвидированы, может быть, теми, кто хоронил своих умерших на этом кладбище.

Сопоставление данных о внезапной гибели могильника с материалами поселения этого же времени (раскоп II) еще более подтверждает высказанную нами ранее мысль о том, что поселение было покинуто его обитателями внезапно и очень поспешно⁸.

Оссуарный слой могильника может быть датирован довольно точно. Собранный здесь керамический материал с несомненностью указывает на связь могильника с поселением VII — первой половины VIII в., кратко описанным выше. Найденные керамические оссуарии по аналогии с Топрак-калой⁹ датируются VI—VII вв. Алебастровые оссуарии существовали в Хорезме в позднеафригидское время, в VIII в. Они известны как в Беркут-Калинском оазисе, так и на могильнике Куюк-калы¹⁰. Важно отметить, что могильники Ток-калы и Куюк-калы принадлежат носителям одной и той же археологической культуры.

На большинстве найденных в малой камере оссуариев, на одной из длинных стенок и на крышках имеются надписи, выполненные тушью. Всего найдено 54 надписи. Одни из них довольно пространственные, в несколько строк через весь оссуарий, другие состоят из одного слова. На одном из оссуариев одно и то же слово повторено трижды. Надписи сделаны различными почерками. На всех крышках и оссуариях, за исключением двух, строки надписи идут по вертикали. Надпись, видимо, делали, поставив оссуарий на торец. Большинство надписей сохранилось очень хорошо. С. П. Толстов и В. А. Лившиц, взявшие на себя прочтение надписей¹¹, установили в них присутствие дат, самая ранняя из которых дает 606 г., а самая поздняя — 678 г. Археологический мате-

⁸ А. В. Гудкова, Указ. раб. (сообщение второе). До последнего времени мы полагали, что эти события могли быть связаны с антиарабским движением в Хорезме, в частности, с восстанием 728 г. В связи с прочтением дат на оссуариях этот вопрос, видимо, потребует дальнейшего уточнения.

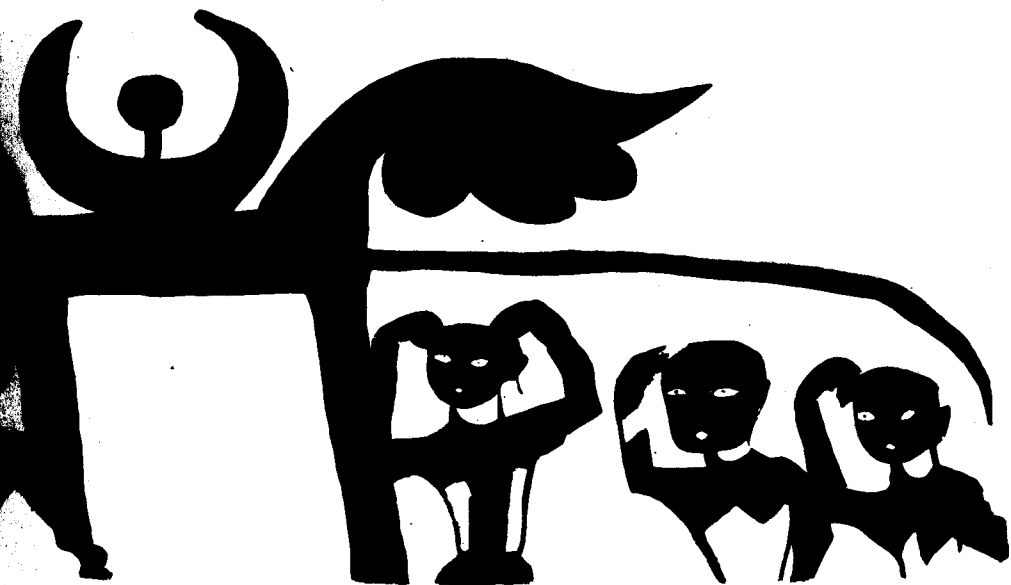
⁹ С. П. Толстов, Указ. раб., табл. 33.

¹⁰ Там же, стр. 149, рис. 87; Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорт, Куюк-кала в 1956 году, «Материалы Хорезмской экспедиции», в. I, М., 1959.

¹¹ Чтение надписей будет опубликовано в одном из последующих номеров.

Рис. 4. Роспись на осыуарии М

4. Роспись на осеуарии № 1

риал и монеты заставляют предположить, что даты даны в эре Шака, тогда в пересчете на наше летоисчисление будут соответственно 684 и 756 годы.

На части найденных оссуариев имеются росписи двух видов. Более простые выполнены тушью и могут сочетаться с надписями. Они состоят из двух изображений: одно — полумесяц, концами вверх, другое — простой кружок, видимо, солнце, с точкой в середине, иногда оба имеют пояс точек снаружи. Они расположены по верхнему краю лицевой стенки оссуария или крышки.

Вторая группа росписей выполнена в цвете и представляет собой сюжетные или орнаментальные композиции, занимающие сплошь лицевую сторону оссуария и крышки. На найденных экземплярах надписями они не сопровождаются. Сейчас обработана часть из них, наиболее хорошо сохранившаяся. Их следует описать подробно.

На оссуарии № 1 (рис. 4)¹² роспись на крышке и корпусе представляет собой единую сцену, верхняя часть которой находится на крышке, а нижняя — на стенке оссуария. Сюжет росписи — оплакивание умершего. Покойник лежит в центре на ложе с изголовьем. Действие происходит на фоне архитектурного сооружения, переданного крайне схематично. Только одна его деталь специально и резко подчеркнута — это четырехугольный дверной проем на втором плане, позади умершего. От верхней части дверного проема в стороны отходят горизонтальные красные полосы, подчеркивающие, вероятно, верх здания. Над входом изображен символ — полумесяц с диском. На переднем плане находится фигура, центральное положение и общие формы которой позволяют предположить, что это очень стилизованный, до утраты реального облика, жертвенник или курильница. Возможно, с этим предметом связана коленопреклоненная поза персонажа, находящегося справа от него и протянувшего вперед руку. Снизу на ножках оссуария вся сцена завершена орнаментальной полосой. Оплакивающие с руками, поднятыми к груди или голове для ритуального самоистязания, стоят двумя группами, в два ряда: женщины слева, мужчины — справа от умершего. Впереди трое сидят на земле. Женщины в первом ряду одеты в красные платья почти прямого покроя, с широким прямоугольным вырезом или вставкой на груди. Возможно, у них на плечах длинные накидки, но они плохо различимы. Оплакиваемый, судя по такой же одежде (но белого цвета) и длинным косам, — женщина. Три женщины во втором ряду и поддерживающая косу умершей одеты в безрукавки, полы которых на груди не сходятся и видна нижняя рубаша с рукавами. Мужчины в первом ряду одеты в кафтаны с двухсторонними отворотами, с резко подчеркнутой талией, перетянутой поясом, вероятно, наборным. Нижняя часть кафтана скомбинирована из ткани двух цветов. У мужчин во втором ряду и, возможно, у женщины крайней слева обнажены плечи и верхняя часть груди, надо полагать, специально для нанесения ритуальных ударов и ранений. Верхняя часть одежды у них на груди обведена неровным черным контуром: это, вероятно, клочья разорванной одежды. Все действующие лица обуты в мягкие сапожки типа ичигов с острыми удлиненными носками. Из украшений видны браслеты, серьги и гривны.

На оссуарии № 2 тоже изображена сцена оплакивания (рис. 5). Очевидно, композиция переходила и на крышку, которая не сохранилась.

В деталях сцены на этом оссуарии имеются некоторые отличия. Покойник, судя по одежде (кафтан) мужчина, лежит на таком же ложе,

¹² На рисунке цвета росписи реконструированы по наиболее ярким ее частям. Там, где контур почти не различим, реконструкция не дана.

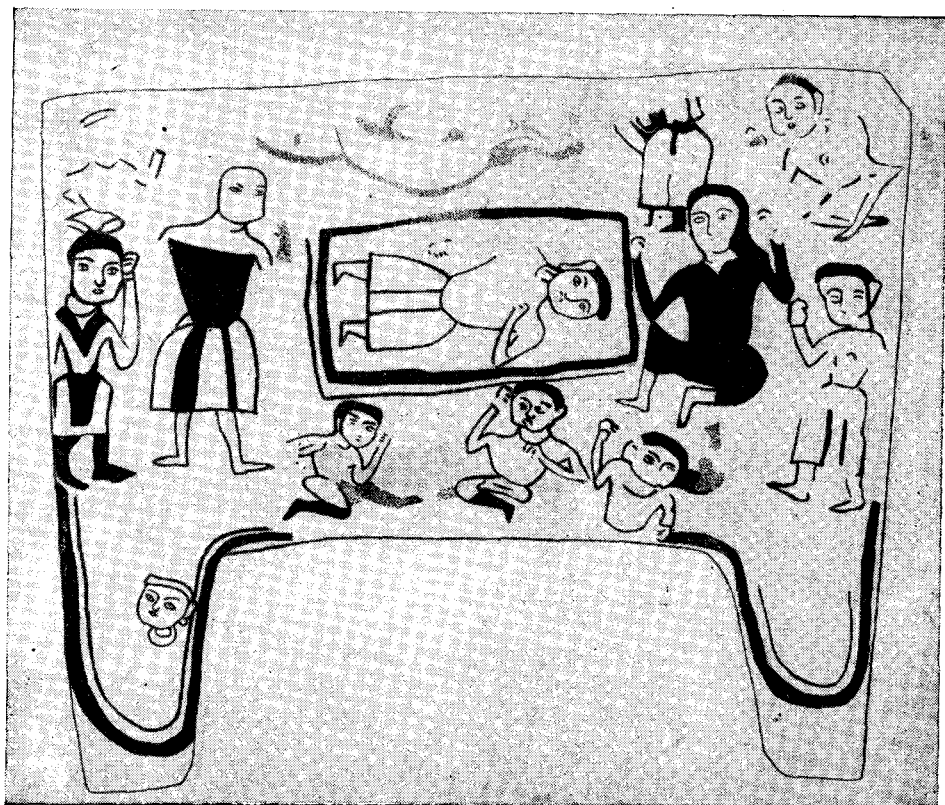

Рис. 5. Роспись на оссуарии № 2

но без изголовья, и головой обращен в сторону, противоположную той, в которую обращен покойник на первом оссуарии. В верхней части оссуария позади умершего плохо различается какое-то изображение. Вряд ли это фигуры людей. Большая часть оплакивающих сидит, только четыре персонажа стоят. Все они также наносят себе удары и, вероятно, рвут волосы в знак горя. Персонаж в правом верхнем углу стоит на колене, наклонившись вперед в сторону умершего. Особое внимание обращает на себя изображение человека, сидящего в изголовье покойника и одетого во все черное. Эта фигура сидит, поджав под себя одну ногу, а другую, согнутую в колене, поставив перед собой. Обе руки подняты на уровень головы, длинные волосы распущены по плечам. Вероятно, это вдова умершего. Типы одежды здесь те же, что и на росписи первого оссуария. В нижней части оссуария, на ножках и у дна, роспись обведена по краю черной полосой.

Кроме описанных оссуариев, в нашей коллекции есть еще один, роспись на котором сделана с трех сторон, но сохранилась плохо. Можно только сказать, что здесь тоже была изображена сцена оплакивания.

Росписи на оссуариях с Ток-калы не уникальны по сюжету. Та же тема передана рельефом на некоторых согдийских керамических оссуариях¹³. Широко известна сцена оплакивания на росписи из Пенджи-

¹³ А. А. Потапов, Рельефы древней Согдианы, «Вестник древней истории», 1938, № 2 (3).

кента¹⁴. И росписи на оссуариях с Ток-калы, и пенджикентская сцена очень близки в передаче самого оплакивания. И там, и здесь плачущие мужчины и женщины окружили умершего, рвут на себе волосы и одежду, бьют себя в грудь и по голове и наносят ритуальные ранения. Это сходство и исчерпывается. Независимо от того, как понимать пенджикентскую сцену¹⁵, видеть ли в ней похороны божества, обоженного героя или царственной особы, несомненно, что художник передавал реалистические подробности современного ему погребального обряда. В этом убеждает сходство композиции со сценами на токкалинских оссуариях, «бытовой» характер которых сомнения не вызывает. Об этом говорит явная обыденность всей сцены и различие ее трактовки в каждом отдельном случае.

У нас нет основания категорически говорить о полном сходстве религиозных представлений, с которыми связаны пенджикентская сцена оплакивания и росписи на оссуариях в Ток-калы. Но предполагать такое сходство можно, основываясь хотя бы на том, что жители Пенджикента хоронили своих умерших тоже в оссуариях, которые ставили в наусы¹⁶, хотя и наземные, но очень сходные по плану с наусом № 1 и наусом на раскопе V. Для объяснения росписей на оссуариях с Токкалы нет оснований в какой-либо мере связывать их с манихейством, как это делает А. М. Беленицкий в случае с пенджикентской росписью. Уже одно то, что росписи сделаны на оссуариях, заставляет предполагать их связь с зороастризмом¹⁷. Запрещение оплакивания умершего в Авесте не может быть здесь серьезным возражением. В Средней Азии зороастризм никогда не был канонизирован и имел свои специфические черты, да и для Ирана многие положения канона выражали скорее пожелания жрецов, чем истинное положение дел.

Параллельное обнаружение сцен оплакивания в Согде и Хорезме¹⁸ вряд ли случайно. Ал-Бируни писал о жителях Согда, что они оплакивают умерших и сопровождают это оплакивание расцарапыванием лица¹⁹. По другому поводу он же отмечал, что обычаи хорезмийцев и согдийцев сходны²⁰.

Интересные сведения о древнем культе дают символы, изображенные над входом на росписи оссуария № 1 и на отдельно найденной крышке оссуария (в дальнейшем — крышка № 2) (рис. 6), покрытой многоцветной росписью с трех сторон. Нижний край крышки во всю ширину окрашен в красный цвет. На передней лицевой стороне края этой красной полосы отчеркнуты линией того же цвета, но окрашенной более интенсивно, и обведены дополнительными желтыми полосами.

¹⁴ «Живопись древнего Пенджикента», М., 1954.

¹⁵ А. М. Беленицкий видит в этой сцене погребение Сиявуша (см. «Вопросы идеологии и культов Согда», в кн. «Живопись древнего Пенджикента», М., 1954), а Н. В. Дьяконова и О. И. Смирнова — погребение сына Сиявуша — Фируда («К вопросу об истолковании пенджикентской росписи», «Сборник в честь академика И. А. Орбели», М.—Л., 1960).

¹⁶ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская, Пенджикентский некрополь, МИА, № 37, 1953.

¹⁷ В связи с этим важно упомянуть еще два факта: обнаружение на поселении, связанном с оссуарным могильником, культового помещения, где горел неугасимый огонь (см. А. В. Гудкова, Указ. раб., сообщение второе, стр. 51), и наличие во фрагментах росписей изображения головы собаки.

¹⁸ См. также В. Н. Ягодин, Новые материалы по истории религии Хорезма, «Сов. этнография», 1963, № 4.

¹⁹ Ал-Бируни, Избр. произведения, т. I, Ташкент, 1957, стр. 255. По переводу В. В. Бартольда, оплакивание сопровождалось причитаниями и надрезанием лица (В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 40).

²⁰ Ал-Бируни, Указ. раб., стр. 256.

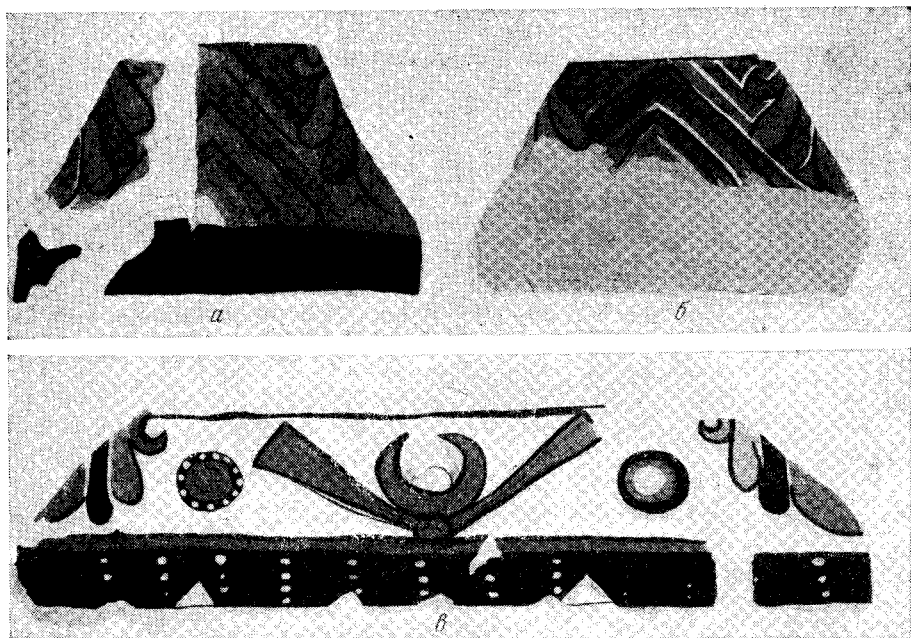

Рис. 6. Роспись на крышке № 2: а, б — боковые стороны крышки, в — лицевая сторона

Кроме того, на красном поле имеются небольшие белые треугольники и вертикальные ряды белых кружков. Контуры треугольников обведены темно-красной линией, а белое их заполнение, как и кружки, выполнено особой краской. На наклонной части лицевой стороны фон специально забелен и обведен по краю коричневой полоской. В центре этого белого поля изображен полумесяц концами вверх, лежащий на небольшом диске или шаре, от которого в стороны раскинуты расширяющиеся к концам ленты. Весь этот рисунок обведен по контуру, иногда двукратно, коричневой линией и закрашен в желтый цвет. Внутри полумесяца видно полукружие, похожее на восходящее солнце с голубыми пятнами по краям. По бокам всей этой композиции в белом поле находится по одному кругу, очерченному широкой темно-коричневой полосой. На левом (от зрителя) круге по этой полосе идут белые кружки. Внутри круг закрашен желтым и в нем имеется еще один кружок, выполненный тонкой коричневой линией. Наклонные части боковых сторон крышки заняты многократно вписанными друг в друга треугольниками желтого и синего цвета с коричневой и белой обводкой по краю. На углах крышки, на наклонной ее части изображены пальметки с четырьмя рядами листьев, отходящих как бы от центрального стержня. Узор выполнен с такой же обводкой контура. Листья окрашены в темно-красный, синий или желтый цвет. Символы, присутствующие на обеих крышках, находят себе интересные аналогии. На крышке № 2 центральная фигура из полумесяца с диском и расходящимися от них в стороны лентами повторяет символ, которым увенчан на бартымском серебряном блюде ларец, стоящий на спинах двух львов²¹. Это блюдо

²¹ О. Н. Бадер и А. П. Смирнов, «Серебро Закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение, М., 1954, рис. 6.

уже не раз было предметом анализа археологов²². Мы полагаем, что наш материал полностью подтверждает заключение Ю. А. Рапопорта о том, что здесь изображен оссуарий, стоящий на престоле, с ножками в виде фигур львов. Форма ларца полностью совпадает с формой одного из керамических оссуариев, найденных в малой камере. Материал с Ток-калы, видимо, подтверждает его же мнение о том, что сцена на бартымском блюде является воспроизведением обряда, подобного тому, о котором сообщают китайские хроники: обряда поклонения праху предков в государстве Ши²³ (Ташкентский оазис). Полное совпадение формы ларца и изображенного на нем символа с нашим материалом заставляет предположить, что подобный обряд поклонения предкам имел место не только при трупосожжении, но и при оссуарном обряде захоронения²⁴.

После находок на Ток-кале вряд ли можно сомневаться в среднеазиатском и, скорей всего, хорезмийском происхождении бартымского блюда. Это мнение подтверждается характером надписи на этом блюде, которую О. Н. Бадер и А. П. Смирнов, основываясь на работах С. П. Толстова, справедливо считают хорезмийской²⁵. Знаки этой надписи ближе к надписям на оссуариях, чем к документам с Топрак-калы, что может говорить об их близости по времени.

Символ, изображенный на оссуариях и над ларцом на бартымском блюде, как уже отмечали О. Н. Бадер и А. П. Смирнов²⁶, тесно связан с сасанидскими коронами, особенно с коронами Кавада I (488—531 гг.) и Хосрова I (531—578 гг.). Это сходство еще усиливается за счет листовидных завитков по бокам полумесяца на крышке оссуария № 1, которые неминуемо ассоциируются с крыльями на сасанидских коронах. Однако нет никаких оснований рассматривать описываемый символ как простое заимствование из сасанидской иконографии²⁷. Более вероятно, что символы и на бартымском блюде, и на оссуариях с Ток-калы, и на сасанидских коронах восходят к каким-то древним образам и религиозным представлениям, бытовавшим в иранском мире и вошедшим, с одной стороны, в идеологию сасанидского государства, а с другой — продолжавшими жить в зороастрийской среде Средней Азии²⁸.

В этой связи интересна семантика рассматриваемых символов. Существует мнение, что шар мог означать солнце²⁹, вселенную³⁰. В саса-

²² О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. Указ. раб.; О. Н. Бадер, О восточном серебре и его использовании в восточном Прикамье (к последним находкам), сб. «На Западном Урале», Пермь, 1952; Ю. А. Рапопорт. Об изображении на бартымском блюде, найденном в 1951 г., «Сов. археология», 1962, № 2.

²³ Н. Я. Бичурин, Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 272—273.

²⁴ О существовании в Хорезме и Согде обряда поклонения предкам с выставлением и жертвенной пищи сообщает ал-Бируни (Указ. раб., стр. 255, 258). Возможно, следами подобных жертвоприношений в наусе являются кости рыб и птиц и обломки столовой посуды, обнаруженные в малой камере.

²⁵ О. Н. Бадер и А. П. Смирнов, Указ. раб., стр. 16.

²⁶ Там же, стр. 17.

²⁷ Это маловероятно хотя бы по одному тому, что сасанидский Иран находился в постоянной вражде со своими северными соседями.

²⁸ О широкой популярности астральных символов говорит и то, что изображения луны и солнца присутствуют на многих оссуариях и их крышках с Ток-калы, на которых нет иных изображений.

²⁹ К. В. Тревер, Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма, «Труды отдела Востока Эрмитажа», т. I, Л., 1939, стр. 248.

³⁰ A. Christensen, L'empire des Sassanides, København, 1907, стр. 89.

нидском Иране он был знаком жреческого достоинства³¹. Значение лент неизвестно. Видимо, основная смысловая нагрузка приходится на изображение луны и солнца, которые, на наш взгляд, связаны с древнейшими верованиями Средней Азии³². Эти изображения широко распространены в коронах правителей, в частности хорезмийских, на ряде серебряных сосудов, происхождение которых связывают со Средней Азией, в росписях Пенджикента. Ю. А. Рапопорт склонен связывать эти символы с культом богини Анахиты³³.

К астральным символам, возможно, относятся и круги по бокам центральной композиции на крышке № 2. Этих кругов два, а на одном из них по темной полосе нанесено 12 белых перлов. Числа 2 и 12 могут иметь отношение к астральным представлениям. Так или иначе, подобные круги являются излюбленным орнаментальным мотивом в средние века. Он имеется в росписях Пенджикента на узорах тканей и ковров³⁴, а в росписях Варахши³⁵ и Балалык-тепе³⁶. Во всех случаях обвод такого круга темный, а перлы — светлые. Такой же орнамент известен в росписях Восточного Туркестана, на тканях из района Астане³⁷, в архитектурном декоре Бамиана³⁸.

К числу символических элементов в росписи оссуариев следует отнести и изображение входа или двери. Тема эта не нова. Такое изображение известно на многих оссуариях из Согда³⁹. Существует мнение, что эта деталь прорабатывалась с особым вниманием⁴⁰ и ей придавалось большое значение⁴¹. Можно предложить два варианта истолкования этого изображения: это или конкретно понимаемое погребальное сооружение или же символический вход в иной мир, в который переселяется умерший.

Значительный интерес представляет анализ одежд на росписях оссуариев. Мужской кафтан принципиально не отличается от общесреднеазиатского кафтана того времени. Его характерная черта — двусторонние отвороты и наборный пояс. Судя по живописи Пенджикента и Балалык-тепе, где кафтаны с двусторонними отворотами единичны, на юге Средней Азии был более распространен кафтан с одним правосторонним отворотом или глухой без отворотов. В живописи Восточного Туркестана двусторонние отвороты на кафтанах представлены достаточно широко⁴².

С. П. Толстов, анализируя хорезмийские монеты, пришел к выводу,

³¹ А. А. Потапов, Указ. раб., стр. 135.

³² По вопросу о культе солнца в Хорезме см. Ю. А. Рапопорт, Хорезмийские асоданы, «Сов. этнография», 1962, № 4, стр. 78—79.

³³ Ю. А. Рапопорт, Об изображении на бартыском блюде, стр. 60.

³⁴ «Живопись древнего Пенджикента», стр. 124, табл. XXVII, XXXVI.

³⁵ Л. И. Ремпель, Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 97, рис. 35, фиг. 4.

³⁶ Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, Ташкент, 1960, рис. 107, 108, 116.

³⁷ A. Stein, Innermost Asia, т. III, London, 1928, табл. LXXIX, LXXX, LXXXI.

³⁸ J. Hackin, J. Carl, Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan, Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan, III, Paris, 1933, табл. XI. Заполнение середины таких кругов может быть самым разнообразным. На Балалык-тепе и в Восточном Туркестане известны случаи, когда в кругах была изображена голова Киртимука. Это наводит на мысль, что такой круг мог иметь значение оберега.

³⁹ Г. А. Пугаченкова, Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. 2, 1950, рис. на стр. 23.

⁴⁰ Там же, стр. 22.

⁴¹ А. А. Потапов, Указ. раб., стр. 130—131.

⁴² A. von le Coq, Die buddistische Spätantike in Mittelasien. Neue Bildwerke, Berlin, 1933, т. I, часть V, табл. 12; т. III, часть III, табл. 14; его же, Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasien. Berlin. 1925, стр. 40, рис. 9; стр. 41, рис. 11; стр. 45, рис. 28, 29.

что мужская одежда с двусторонними отворотами древнего происхождения⁴³.

Наборные пояса находят себе аналогии в пенджикентских росписях и в живописи Восточного Туркестана. Интересной этнографической параллелью, возможно, восходящей к глубокой древности, могут служить пояса — камары, бывшие еще в XIX в. обязательной принадлежностью костюма воинов-батыров у туркмен и каракалпаков.

Женский костюм представлен на росписях тремя элементами: это накидка, прямое платье с окаймленным длинным разрезом на груди и безрукавка. Накидка, безусловно, восходит к древним местным традициям. Она хорошо известна по терракотовым статуэткам богини Анахиты и представлена на росписях Пенджикента и Балалык-тепе, но почти не известна в Восточном Туркестане. До недавнего прошлого накидка, набрасывавшаяся на голову, была у узбечек и каракалпачек обязательной частью одежды, в которой выходили из дому. Платье, судя по этнографическим данным, имело простейший покрой из сложенного пополам полотнища ткани, к которому пришивали рукава. До наших дней это древнее платье сохранилось у туркменок⁴⁴ и еще недавно бытовало у каракалпачек. Существует мнение, что безрукавка, имеющая сейчас очень широкое распространение, появилась в Средней Азии только в XIX в. под влиянием казанских татар. Если это и верно, то росписи с Ток-калы показывают все же, что этот вид одежды был известен в Средней Азии издавна. Обувь в виде мягких облегающих сапожек типа ичигов одинакова у мужчин и у женщин и находит себе аналогии на росписях Варахши и Балалык-тепе. Видимо, это довольно обычная обувь того времени.

Анализ костюма позволяет сделать вывод, что он связан с древними местными традициями и вместе с тем имеет много общего с костюмом других районов Средней Азии этого же времени.

Интересен и общий внешний облик персонажей с оссуариев. Он характеризуется отсутствием бороды и усов и короткой стрижкой у мужчин, а у женщин двумя длинными косами.

Предварительные результаты антропологического анализа черепов с оссуарного могильника показывают, что эти черепа характеризуются мезокранностью, высоким и узким лицевым скелетом. В серии преобладают европеоидные черепа восточномедиземноморского типа с небольшой монголоидной примесью на некоторых из них. Ближайшие аналогии дает оссуарный могильник Калалы-гыр (II—III вв. н. э.) и погребения в Байрам-али (V—VII вв. н. э.). Можно думать, что монголоидная примесь аналогична мезокранному монголоидному типу с высоким и узким лицевым скелетом, установленному Т. А. Трофимовой по материалам

⁴³ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 198. Если не ограничиваться только живописью, то сходную одежду можно найти и на ряде других археологических памятников. Кафтан с двусторонними отворотами известен на балбале, найденном на берегу оз. Иссык-Куль (см. В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., «Зап. отд. истории и философии АН», т. I, № 4, 1897, стр. 55, табл. XI, фиг. 1). При этом следует учесть, что резчики обычно изображали в балбалах характерные черты определенного народа. Всадник в кафтане с двусторонними отворотами, очень сходный, как отмечал С. П. Толстов, с всадником на хорезмийских монетах, представлен на серебряной чаше № 46, опубликованной Я. И. Смирновым. Персонаж в кафтане с такими же отворотами известен на серебряном блюде из Эрмитажа, на котором, по мнению К. В. Тревер, изображен царь эфталитов. Автор датирует это блюдо концом V — первой половиной VII в. (К. В. Тревер, Новое селанидское блюдо Эрмитажа, «Сборник в честь акад. И. А. Орбели», М.—Л., 1960). Сходная одежда известна и на скульптуре из Кувы (сообщение В. А. Левиной-Булатовой на сессии по итогам полных исследований 1959 г.).

⁴⁴ Интересно, что у туркменок такое платье обычно красного цвета, как и на описываемых росписях.

Канга-калы и Куня-Уаза⁴⁵. С. П. Толстов и Т. А. Трофимова связывают появление этого типа в Хорезме с хионитами.

Стилистический анализ росписей оссуариев с Ток-калы показывает их полное отличие от парадной живописи дворцов и храмов Топрак-калы, Варахши, Пенджикента и Балалык-тепе. Рисунок на оссуариях очень прост, условен и в то же время, видимо, традиционен. Выполняется он в большинстве случаев путем прорисовки контура черной тушью с последующей закраской фигур внутри, без применения цветовых переходов и полутонов. Анатомические пропорции и правильность ракурсов человеческих фигур не соблюдается. Условно и соотношение первого и второго планов, свободно сочетаются фронтальное изображение и вертикальная проекция. Мастер, видимо, вовсе не добивался полного правдоподобия изображаемого. Его задача заключалась в том, чтобы вызвать представление о широко известных и всем понятных явлениях. Тем не менее росписи очень выразительны и эмоциональны. Они, без сомнения, представляют собой образцы очень демократичного и живого народного искусства, не связанного канонами парадной живописи. Создается впечатление, что росписи такого рода стоят где-то у истоков более поздней среднеазиатской миниатюры.

Таким образом, перед нами открывается новая страница в древнем изобразительном искусстве Средней Азии.

Нам остается сказать несколько слов о верхнем горизонте могильника, с захоронениями в цистах. Всего было вскрыто 64 цисты. Для сооружения цисты выкапывали прямоугольную яму. В большинстве случаев в ее дне посередине делали узкое (30—50 см) длинное овальное углубление — собственно могилу. Это углубление обкладывалось по дну большой ямы впритык к ее стенкам кирпичной кладкой от 2 до 6 кирпичей высотой. Размер кирпичей 30(26) × (30)26 × 8(7—6) см. Покойника клали в образовавшуюся узкую яму и, не засыпая землей, закрывали сверху рядом больших кирпичей (46 × 26 × 6 см), положенных плашмя и опертых концами на края обкладки. Возможно, сверху все это сооружение засыпали землей. Отклонения от этой конструкции разнообразны. Вероятно, часто цисту выводили на поверхности земли. Костяк может лежать на той же поверхности, на которой поставлена кирпичная обкладка цисты. В редких случаях циста перекрыта кирпичами, положенными не плашмя, а поставленными в один или два ряда на торце. Есть захоронения, произведенные просто в узкой овальной яме без обкладки. Иногда они даже и не перекрыты кирпичами. Во всех цистах костяки лежали в полном анатомическом порядке, на правом боку, в вытянутом положении, иногда со слегка согнутыми ногами. Ориентация на северо-запад. Череп всегда лежит на правом боку. Все захоронения одиночные, за исключением одного, где вместе с женщиной был положен грудной младенец. Никакого инвентаря нет. Только в одной цисте был найден небольшой отпечаток ткани простого полотняного переплетения. Единственными находками в этом горизонте являются три предмета, которые можно определить только как завершие небольших стел; они имеют сложные очертания. Материал и техника изготовления те же, что у жженных кирпичей. Цисты распространены по всей площади могильника. Их здесь многие и многие сотни, и они часто перекрывают друг друга.

Отсутствие инвентаря в цистах лишает нас достоверного материала для их датировки. По наслоениям на могильнике видно, что к моменту сооружения цист наусы успели обрушиться и заполниться внутри на-

⁴⁵ Определение произведено Н. Рысиназаровым под руководством Т. А. Трофимовой.

носным грунтом. Вероятно, на это потребовалось не менее 50 лет. Погребения с вытянутыми костяками в грунтовых ямах, обложенных и перекрытых сырцовыми кирпичами, известны в разных районах Средней Азии. Ориентация их довольно различна. Видимо, в первые века ислама еще не сложились четкие традиции в этом отношении. Не имея прочных оснований для датировки, мы склонны в виде предположения связывать верхний горизонт могильника с поселением IX—XI вв. на холме Ток-тау. Это предположение подтверждается находкой в 1962 г. аналогичных цист на могильниках городища Гяур-кала возле Ходжейли. Здесь удалось выделить и датировать несколько типов подобных захоронений, самый ранний из которых, совпадающий с цистами с Ток-калы, датируется IX—X вв.⁴⁶ Черепа из цист представляют европеоидный тип, отличающийся от типа оссуарного могильника, и имеют сильно выраженную монголоидную примесь. Ближайшие аналогии дают погребения IX—XI вв. в Наринджане.

Материалы с некрополя Ток-калы, безусловно, представляют большой интерес прежде всего благодаря своей комплексности. Предстоящий подробный анализ обнаруженных памятников письменности, изобразительного искусства, очень большого краниологического материала и возможность сопоставления этих данных с разнообразными материалами поселения, несомненно, дадут много новых сведений по истории Южного Приаралья в раннем средневековье.

SUMMARY

During the four years 1959—1962 the archeologists of the Institute of History, of Language and Literature (Kara-Kalpak Branch of the Uzbek Academy of Sciences) made excavations on the site of the Tok-Kala group of archeological relics in the vicinity of the town of Nukus. In particular, excavations were made on the site of a necropolis, which functioned during two periods. The first period (7th century—first half of the 8th century) is associated with a nearby settlement; which represents a specific archeological culture. This culture is synchronous—but not identical—with the Aphrigid culture in Southern Khwarizm; it is found in the right-bank delta of the Amu Darya. The burials dating from that period constitute Zoroastrian ossuary burials, placed in semi-underground naus. One of these naus was found to contain over 50 alabaster ossuaries covered with inscriptions in late-khwarizmian writing and with painting (scenes of mourning and ornamental-symbolic compositions). A frequent motif is images of the moon and the sun.

In the second stage of the functioning of the necropolis, the former Zoroastrian burial ground was used for early Muslim burials in common pits, faced and covered with raw brick. Due to the total lack of utensils, only an approximate dating of these burials can be given: from the 9th to the 12th centuries A.D.

⁴⁶ Н. В. Ягодин, Указ. раб.